

ПРЕДИСЛОВИЕ

Д

а, писатель В.Н. Крупин — это мой брат Володя. Но когда я читал его первые рассказы, то с трудом укладывалось в голове, как человек, который родился и жил в то же самое время, что и я, бегал по тем же улицам, купался в той же реке, учился в той же школе, у тех же учителей — и так замечательно пишет: «Только на том самом обрыве, выше полета чаек, встречаются мальчишка и девчонка. И становятся: она — красивой, он — смелым». Именно после этого рассказа «Песок в корабельных часах» и рассказов «О войне», «Утя», а еще раньше — «Полонез Огинского» я начал понимать, что мой брат — писатель. Эти рассказы были опубликованы в его первой книге «Зерна» в 1974 году. Правда, и до этого были публикации. Особенно интересно, что одна из первых была в журнале «Наш современник» (№ 10/1972), и там же была публикация В.М. Шукшина. И вот снова в этом журнале — «Мужская работа» (№ 29/2009). На одной глянцевой обложке портрет В.Н. Крупина, на другой — В.М. Шукшина.

Я всегда считал своего брата талантливым. Но когда начал писать о нем и охватил взором и умом почти все им созданное, а это не только книги, их более двухсот, но и статьи, очерки, рассказы в газетах и журналах, его выступления на встречах, на радио и на телевидении, публикации на различных сайтах, — я понял, что он невероятно талантлив, умен и мудр.

В свое время на предложение издателя создать книгу о В.Г. Распутине, Володя ответил: «Ничего не могу написать. Не от бессилия — от неохватности его личности». И я мог бы повторить это про своего брата Владимира, но так-таки взял себя в руки и начал писать.

ЧИТАЯ, ВСПОМИНАЮ

Конечно, то, что я брат писателя, накладывает отпечаток на мое чтение его книг. Читая, я вспоминаю описываемые события, места, людей и даже животных. Первый его рассказ «Полонез Огинского» опубликован в 1970 году в журнале «Сельская молодежь». В книге «Зерна» он называется «Подарок». О любви молодого слесаря к девушке, которая не смогла понять его любви и оценить его подарок. Рассказ мне очень понравился, особенно гордой концовкой. Он явно автобиографичен. Я был свидетелем его увлечения. Володя тогда работал в мастерской по ремонту сельскохозяйственной техники (машины, трактора, комбайны). Мама, стирая его рабочую одежду, пропитанную мазутом и маслом, вздыхала: «Никогда ни у отца, ни у мужа не было мазутной одежды, а тут пришлось...» И Колябаянист реально в селе был. Его так и звали. Высоченный, флегматичный, приятный на вид. Что касается Жени, то это явно библиотекарь Валя. Я и тогда не понимал, что он в ней нашел? Невысокая, полненькая, и никакой в ней романтичности.

В 1977 году у Володи вышла вторая книга «До вечерней звезды». Я как раз учился в аспирантуре в Москве. Ехал в июне из Серпухова, зашел к Володе, он показал новую книгу. Отправились в книжный магазин, и он купил несколько пачек. В этой книге есть рассказ «Кол с подпорой».

В нем рассказывается, как Володя вырвел, чтобы его, пятилетнего, отправили в школу: «Мама выходила, входила — я ревел. Выходила — делал передыш-

Первая общая фотография детей семьи Крупиных.
Сидят — Володя, Алевтина, Михаил. Стоят — Борис, Тоня.
Володя ходит в первый класс. Село Кильмезь. 1947 г.

Семья Надежды и Владимира Крупиных.
Любимой дочерки Катеньке 3 года. Москва. 1970 г.

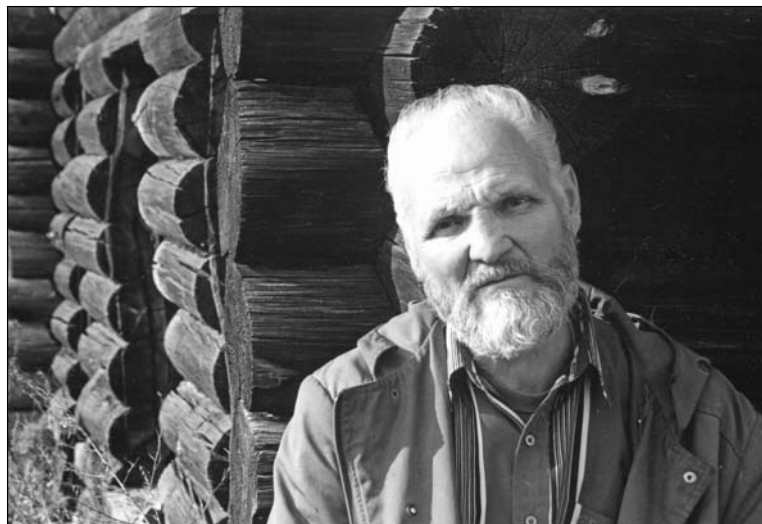
ку, но младший брат выдал, — пришлось реветь беспрерывно». Насчет того, что я его выдал, это он придумал. Мне, скорее, не нравилось, что он притворяется. А вот по-настоящему я выдал его, когда он работал в редакции. Тогда ему было шестнадцать лет. Я случайно прочитал в его дневнике, что в Новый год он войдет не один, у него будет своя семья. Я побежал к маме и объявил ей, что наш Вовка женится. Не знаю как, но, видимо, мама взяла это дело в свои руки и сохранила Володю для Надежды.

Думаю, что он на меня не в обиде. Стоит только вспомнить сияющие лица Надежды и Володи на их свадьбе, посмотреть на их фотографии с дочкой на руках, а потом и с сыном, видеть, как шли они по жизни, подставляя плечо друг другу в трудные времена. Володя как-то сказал: «Как бы иначе мы прожили вместе 55 лет, и прожили, и пережили такие страдания и лишения без любви».

Кстати, ситуация, описанная в рассказе «Кол с опорой», повлияла на мою дальнейшую жизнь. Через четыре года после того, как Володя пошел в школу 1 сентября 1950 года, мне до семи лет не хватало всего двух месяцев. В детском саду мне, как и всем ребятам, которые ходили со мной в одну группу, вручили буквари и напутствовали на учебу в школе. Но мама меня в школу не отпустила, сказав, что хватит с нее одного школьника-малолетки. В результате получилось, что я год был уличным мальчишкой — ни в детском саду, ни в школе. И пошел я в школу через пять лет после Володи, хотя разница в возрасте у нас с ним всего два года.

В этой же книге в рассказе «Зачет по последнему» есть эпизод, как рядового Копытко натаскивают по математике. Он говорит: «Плюс на минус дает минус, это я верю. Минус на плюс дает минус, это я еще могу поверить, но чтобы, товарищ старшина, и минус на минус давал плюс, — это сержант Данелецкий надо мной смеется».

Аналогичный случай был и у меня. Первый год я служил в армии в Перми, учился в ШМАСе — школе младших авиаспециалистов. И у нас в отделении один солдат не сдал электротехнику. Тогда командир взвода поручил мне позанимать-

Володя у своего дома на бывшем лесочастке Ломик.
Сентябрь 2001 г. Фотография С. Шаклеина.
На обороте фотографии надпись: «Михаил, я у дома нашего
младенчества, где ты родился. Мы тут научились ходить,
говорить, пить и есть».

ся с этим солдатом и пообещал увольнительную в город, но лишь после того, как тот получит зачет. Когда я объяснял, что такое электрический ток, он почему-то возмущался и говорил, что я все это про электроны выдумываю. Но зачет мы получили — очень хотелось сходить в увольнение. Кстати, опыт работы с ним пригодился, когда я стал преподавателем вуза.

В книге брата «Вятская тетрадь» есть мудрый рассказ «Тихий воз на горе будет». Как Володя целых два дня раскалывал громадную тюльку (чурбан). «Велика эта мудрость — помаленьку, помаленьку, сбоку, скраешка, по щепочке, по лучиночке.... Так бы нам во всем — помаленьку, потихоньку, куда торопиться, ведь не под гору катимся — в гору идем. Тихий воз на горе будет». Большая щепка от этой тюльки хранится у меня на даче. Скольким людям, включая моего внука да и самого Володю, при возникновении каких-то проблем ставил я в пример героя этого рассказа. Читая его, вспоминаю, как мы с Володей каждый выходной пилили бревна на тюльки, а брат Борис колот их на поленья. Нам было обидно, что мы пилили часа два-три, а Борис выходил: тюк-тюк и за пятнадцать-двадцать минут справлялся со всеми нашими тюльками.

Да мы еще и снашивали поленья в сени — холодное помещение перед входом в квартиру. Тогда мы с Володей выбрали березовые бревна и пилили их почти в два раза дольше, чем сосновые. Мы пилили и думали: «Пусть Борис попотеет над ними». А Борис вышел и в два раза быстрее обычного расколол все тюльки. Тут мы узнали, что березовые дрова пилить легче летом, а колотить хорошо зимой.

В несколько книг Володи вошел рассказ «Ножичек». Он пишет: «Раз в жизни я видел, как плачет старший брат, а это для меня — маленького мальчика, было страшно и незабываемо». Я не видел, как плачет брат Борис, а когда читал этот рассказ, не хотел верить, что Борис мог плакать. Для меня он был сильным, решительным, строгим. Когда младшая сестра ревела, а ревела она с целью, чтобы я ей что-то отдал, Борис, не разбираясь, давал мне подзатыльник, иногда довольно

больно. Только после того, как он удивился, что я, семилетний пацан, подшил свои валенки, прежде чем воспитательно поддать, он все же немного стал разбираться в ситуации. В конце рассказа «Ножичек» Володя пишет: «Вспомнил я эту историю, когда мне подарили перочинный нож с пятнадцатую приспособлениями. Вернуть бы детство, вот бы нам с братом радостью». Вероятно, поэтому меня, младшего брата, Володя задарил перочинными ножиками. Из Египта привез чудный арабский нож, из Германии — нож австрийского офицера, и нож именно с пятнадцатую приспособлениями.

В свидетельстве о рождении у Володи значится место рождения — село Кильмезь Кировской области, а семья жила в это время на лесоучастке Ломик. И местом его рождения следовало указать именно лесоучасток Ломик, как и у меня. Как же так вышло? Когда пришел срок маме рожать Володю, местная фельдшерица сказала, что она не берет на себя ответственность — роды могут быть с осложнением, надо везти в село Кильмезь. И отец увез маму на тарантасе в Кильмезь, расположенную в 18 километрах от участка Ломик. Роды прошли нормально, без всяких осложнений. Здание роддома до сих пор сохранилось и продолжает выполнять свои прежние функции. Я даже сделал исторический снимок — В. Крупин на крыльце своего роддома.

Секрет отказа фельдшерицы принимать роды с Володей был довольно прост. К ней как раз в это время приехал возлюбленный (со слов мамы). Благодаря той фельдшерице Крупинские чтения проходят в селе Кильмезь, а не на поляне среди леса, которым заросло место бывшего лесоучастка Ломик.

В рассказе «Отец, я еще здесь» Володя пишет, как он в 2005 году побывал на родине отца и матери. Попутно он вспоминает, как приезжал в д. Кизерь к дедушке по отцу после 9-го класса: «На пристани “Русский Турек” на рассвете я выскочил и побежал, как объяснил мне отец, в гору. И на горе кладбище, с него я увидел Кизерь».

И на горе кладбище, с него я увидел Кизерь».

Я тоже в его возрасте, лет тринадцати, тоже в августе на том же пароходе доплыл до пристани «Русский Турек». Не знаю почему, но мне отец не рисовал схемы, по которой Володя шел до деревни Кизерь. Спросил на пристани, далеко ли до нее? «А вот по этой тропинке в гору и добежишь». Побежал. Хотя стало быстро темнеть, от огня причала тропинку было видно. Но когда я выскочил на гору, тропинка пропала. Сел на сухой, теплый холмик и не заметил, как заснул. Проснулся, было уже светло. Вдали увидел идущую женщину и замахал ей. Она вдруг вскрикнула и помчалась от меня. Огляделся. Оказывается, я спал на могиле, на окраине

Родители — Николай Яковлевич и Варвара Семеновна Крупины — на фоне дома, три окна слева — это их квартира. Пос. Фалёнки. 1973 г.

Володя с женой Надеждой.
Алтай, на фоне села Сростки. 1980 г.

создавать самую настоящую жизнь. Люди разговаривают, действуют, а я все это вижу и представляю: людей, обстановку, природу, эпоху вижу. Муза поэзии может быть и любовницей, а муза прозы — только жена. Строгая, взыскательная». Не думаю, что это аксиома. Всяко бывает. Кстати, брат сумел в повести «Громкая читка», не описывая жену писателя Тендрякова, только в нескольких ее репликах и восклицаниями показать такую жену. Так и видишь Наталью Григорьевну — статную, строгую, красивую, понимающую с полуслова своего талантливо-го мужа.

В повести именно она говорит главному герою: «В следующий раз приезжайте с женой и все пойдет. Писательская жена — это жена самая страдающая. Писателя, когда он работает, всегда ни до кого. Дело писательской жены одно — не мешать мужу, скрываться с его глаз, но в нужное время, оказывается, быть рядом. Как угадать это нужное время — это главное. Тут никто не поможет». Да, читая прозу брата, ты видишь и слышишь описываемое. Вот пишет, как идет босиком вокруг Иерусалима, и ты идешь с ним рядом.

Из его интервью: «В отрочестве, юности читал много о секретах писательского труда, о великих его трудностях. И очень страдал, что никаких трудностей, когда пишу, не испытываю. Какие трудности, когда сплошная радость!»

«Я никогда не думаю, откуда взять тему. Просто хочется о чем-то написать, и я пишу. Жизнь дает такие образцы, что все фэнтези кажутся скучной выдумкой. В

кладбища. Тропинка была прямо под ногами. Быстро добежал до деревни. Дедушка еще был в постели.

Из-за того, что прочитал рассказ «Отец, я еще здесь», я не поехал на родину отца, хотя и думал. Брат так живо описал запущенный дом и местность, заросшую репейником и крапивой, что я словно побывал там вместе с ним.

Родину матери, деревню Мелеть, мы навестили с Володей и моим внуком Георгием совсем недавно. Благодаря Володе, когда я читаю его рассказ «У отца, у матери», я как будто сижу с родителями в компании брата. В рассказе «Красная гора» он поражается бесследному исчезновению кирпичного завода, а я вспоминаю, как мы на Красной горе рубили еловые ветки для школьной фермы и скатывались на них вниз по снежному склону. Ранней весной выжигали здесь траву. Правда, теперь я знаю, что этого не следует делать.

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В одном интервью Володя признавался: «Да, проза уже с юности стала очень притягательной. Меня потрясла ее способность на глазах читателя

жизни есть все в гораздо большем количестве, чем можно выдумать. Я никогда ничего не измышлял, сюжеты подсказывала сама жизнь».

«Я не знаю, что такое муки творчества, потому что никогда их не испытывал. Главное, дожидаться состояния, при котором можно писать».

Когда брат работает, то есть когда что-то пишет, у него пошел рассказ, а уж если повесть... он забывает обо всем. Может в этот момент не то сказать, обидеть, не подумав. Забывает обо всем. Об этом можно прочесть в повести «Громкая читка», где герой вспоминает свое первое пребывание в Ялтинском Доме творчества. «Но самое-самое главное: работа моя пошла, вот что. Это было так освежающе и так успокоилась душа, что я писал с огромной скоростью, только и боясь, чтоб что-то не помешало. Бежал на обед пораньше, быстро поглощал еду, не понимая, что ем, быстро убегал, обегая стороной мужской клуб. Даже раз столкнулся с Саней и не сразу узнал: был занят мыслями о работе».

Периоды творчества у Володи перемежаются с сомнениями. Нужно ли это. В «Повести для своих» он пишет: «Ну, прочли, ну перечли, ну забыли. Что ни скажи, что не напиши, все булькает в текущее по пятам забвение».

В. Распутин в статье о В. Крупине «Судьба, сложенная по отеческим потребностям» писал: «В письме его ни с кем не перепутаешь. Это какая-то особая манера повествования — живая, даже бойкая, яркая, воодушевленная, образная, в которой русский язык “играет”, как порою весело и азартно “играет” преломляющееся в облаках солнце... У Владимира Николаевича это особый и неподражаемый дар: не описывать картину в подробностях, а расположить ее как-то так, что она сама начинает играть и рассказывать. У него слово не вязнет, строка не тянется, не изнемогает от груза всяческих определений и соподчинений. А с готовностью и живостью быстро называет себя... В его книгах главное не свидетельство, а нравственная и духовная обращенность к современнику».

Ну, а это — ради шутки. В начале его творческого пути кое-кто говорил, что он на дочери генерала женился. Она за него пишет, а генерал печатает. И, по моему мнению, двое Кировских писателей повелись на это, рванули в Москву и даже там женились. Но на том их творчество вообще заглохло. А в Москве не могли поверить про Володю — как это вятский и вдруг еще здорово пишет? А обо мне потом говорили, что это брат мне сделал диссертацию. Многие успехи нашей невестки, талантливого педагога, очень хорошей учительницы истории, победителя многих российских учительских конкурсов, тоже приписывают влиянию известного родственника, который ни сном, ни духом не ведает о них.

ЭРУДИЦИЯ

Поражаюсь эрудиции брата. Мы жили с ним у меня на даче. Нам обоим за 60. Я занимался хозяйственными делами, готовил еду, а в его обязанности входило мыть посуду. На втором этаже дачного дома он что-то писал. Я радовался, что он работает. Через какое-то время то, что он писал, вышло в виде «Повести для своих». Читал я ее и поражался обширности его знаний в разных областях науки и человеческой деятельности: о земле и ее плодородии, видах энергии, философии, идеологии и политике. Как ярко он построил диалог с крупным и умным сторонником демократии в России и как он разбивает все его аргументы. При чтении я получил много полезной информации. При очередной встрече с братом повинился: «Володя, ты тогда такую книгу писал, а я тебя отвлекал на мытье посуды». А какое знание природы! Он знает названия всех местных птиц, цветов, растений. Однажды шли мы втроем на родине мамы из деревни Мелеть в деревню Аргыж.

Был хороший солнечный день. Я фотографировал цветы, а Володя шел с моим

внуком и объявлял названия всех цветов и растений. У меня хранятся фотографии этих цветов.

В 1970-е годы, работая сценаристом на телевидении, он писал сценарии о русских архитекторах Казакове, Баженове и других. Регулярно шли по ним передачи. В это время он свозил меня в Царицыно и так профессионально и вдохновенно рассказывал о всех постройках Баженова, об исторической эпохе, о личности Екатерины II. На телевидении же он писал о Ван-Гоге, Родене, Матиссе, русской иконе.

В рассказе «Картинки с выставки» и в статье «Мона Лиза, похожая на зебру» он показал свои знания в живописи. Статья была опубликована в «Парламентской газете» 22 мая 1999 года. Он прислал ее мне с припиской: «Добрый день! Хотя и звонил вчера, но пишу — обнаружил статью, которую писал в начале прошлого года у тебя. Она, к сожалению, сильно обтяпана, но все равно, мне кажется, нужна. Другое дело, что нужна уже очень немногим, вкус людей специально калечится... но что душу рвать?» Кстати, он написал статью после того, как я показал ему альбом шедевров изобразительного искусства XX века. Купил с восторгом эту книгу — издана в Англии, на отличной бумаге, во всем мире считается шедевром. А когда стал знакомиться внимательно, разочаровался. Из наших — как всегда, Малевич и Шагал, нет в ней художников уровня Петрова-Водкина, Нестерова, Кустодиева... В основном показаны художники Европы и Америки, которые работают в стилях, далеких от реализма. Володя меня выслушал, листал, листал книгу и сел за статью. Тогда статью отказались печатать и в либеральной, и в коммунистической прессе.

Статью он завершил такими словами: «Когда нам показывают мусор, отходы... да еще эстетизируют это, ясно одно: западная культура погибла. Теперь и нас тянут к гибели. Все надежды на прошлое, на историческую культуру России. Она скала, на ней стоим».

А как глубоко он чувствует музыку! Это передают его рассказ «Квартира Скрябина», пьеса «Люби меня, как я тебя», которая долго шла с успехом в Кировском драмтеатре, в Московском православном театре «Глас» и Омском театре «Галерка». В последних идут до сих пор. Кировский театр после ухода из жизни Е. Степанцева эту пьесу снял. В ней главный герой слушает кантату «Кармина Бурана» композитора Карла Орфа, забыв обо всем на свете. Во время спектакля кантата звучала мощно. После этой пьесы я с восторгом еще много раз слушал это музыкальное произведение.

Уже давно, когда Володя был еще молодым, он как автор и составитель издал сборник «Мы строим дом: книга о молодой семье». В то время таких книг почти не было. Когда сейчас берешь эту книгу в руки, удивляешься, как он сумел из многочисленных источников толково отобрать материал о семейной жизни — как молодым людям строить семью, как сохранить лад да любовь, как вести домашнее хозяйство и воспитывать детей...

Поражает глубочайшее знание Володи в области духовной жизни. Христианство, Православие и его роль в становлении и истории России, своеобразие различных конфессий, история церкви, жития святых, Евангелие, труды подвижников церкви, иконопись, жизнь монастырей и старчество, архитектура храмов и их роль в духовном росте народа, крестные ходы, духовные и нравственные традиции России — все это дорогие и близкие ему темы. Книг на тему Православия им написано много. Среди них — о его поездках по святым местам, включая многократное посещение Святой земли, Афона, поездки в Египет, Сирию, Палестину. Он написал очень хорошие книги для детей о Православии, среди них «Православная азбука», «Азы Православия. Азбука. Рассказы. Праздники», «Подарок православному ребенку», «Псалмы с толкованием для детей», «Князь Владимир Красное Солнышко». Православие — важнейшая часть его творчества на сегодня. Он убежден, что Россию спасет Православная вера, и все делает для ее укрепления.

БЕССЛОВЕСНЫЕ СПУТНИКИ

Отдельный разговор о его рассказах о животных. Вчера читал на даче вслух рассказ «Петушиная история», как инкубаторский петух полюбил чужую курочку и схлестнулся с домашним петухом. Все слушали с восторгом. Какие приключения Тома Сойера?! Тут такие страсти! Лично я читал в третий раз и снова восхищался событиями, но главное — талантом автора. Такие характеры у петухов! А уж автор, рассказчик — весь на ладони. Какой поучительный рассказ! Моя воля, я бы издал Володины рассказы о животных с иллюстрациями художника, близкого по духу Е.И. Чарушину, отдельной книгой — и в каждую школу. Чего стоит рассказ о бездомной собаке «Пастух и пастушка», как люди благодаря собаке пооберели.

Семь его рассказов о животных вошли в сборник «Образы добра. Люди и животные» различных авторов, в числе которых Шмелев, Коровин, Чехов, Тургенев, Мамин-Сибиряк, Куприн. Так вот, рассказы Крупина, на мой взгляд, не просто не теряются среди великих, а выступают на равных. Близкий по впечатлению, оставшемуся от чтения Володи, только рассказ «Белолобый» Чехова.

В рассказе «Бумчик» про хитрована-кота запечатлен наш кот Степан, а другой наш кот Стефан увековечен в истории о том, как хозяевам большой квартиры пришлось вернуть пианино, на котором избалованный кот привык спать в течение многих лет, обратно в прихожую.

РАССУЖДЕНИЯ

У нас с Володей немало и разногласий. Правда, сегодня мы не только не спорим, даже не беседуем на темы: царизм — социализм, сталинизм — ленинизм, религия — вера, хвастовство — гордость своим трудом, осуждение — рассуждение, прощение — потворство. Не говорим о тех писателях и поэтах, о которых имеем разное мнение. Радеемся, что хоть ненадолго, но вместе: еще купаемся, косим траву на даче, собираем яблоки и сушим их, ходим на литературные встречи и вечера. Кстати, для своего возраста он ловко управляет газонкосилкой и мотокосой.

У меня с ним полное согласие, когда я читаю в его повестях, публицистике меткие и емкие определения, критику современной жизни — о демократии, либерализме, толерантности, ювенальной юстиции, общечеловеческих ценностях, мировом сообществе, политкорректности, журналистике, гуманизме, секс-меньшинствах, образовании, культуре, в том числе, искусстве, литературе. Правда, я думаю, что те, от кого зависит остановить разрушение культуры России, ведут себя как кот из басни Крылова «А Васык слушает да ест». А может быть, вообще не слушают и не читают. Но на своем творческом вечере в Герценке в 2016 году он сказал: «У меня лично нет никакого упадничества. Просыпаешься ты в России, ты здоров, у тебя есть силы. У тебя нет двойного гражданства. Главное — не унывать». Вся его публицистика — не желание вступать с кем-то в полемику, а лишь желание высказать то, о чем он думает.

Володя, как и я, считает, что в споре рождаются враги, потому что в споре каждый пытается доказать свою правду, а тут уж не до истины. Из интервью Володи в журнале «Встреча» (№ 5/96) про спорящих на митингах: «...И расходятся — наругавшись и накричавшись — “с чувством глубокого удовлетворения” и выполненного долга. Но в каждом отдельном человеке уровень нравственности не увеличился, добра в мире не прибавилось, а зла стало больше... Однако каждый человек имеет право на свой путь к Истине, на свой путь к Богу».

Я согласен с ним в том, что государство не должно ограничивать свободу твор-

чества. Но при отсутствии государственной цензуры у художника должно быть чувство ответственности перед народом и зоркая, живая совесть (Л.Н. Толстой называл ее нравственным компасом). И все же будем правдивы, цензура есть: теперь это рынок, который диктует издание книг, дикий и нацеленный на быструю и огромную прибыль.

У нас с братом одинаковое мнение о многих поэтах Серебряного века. Оба разделяем обоснованную оценку этого периода русской поэзии, выраженную С.Ю. Куняевым в книгах «К предательству таинственная страсть...» и «Любовь, исполненная зла», и точку зрения Г.В. Свиридова: «В русской литературе, увы, ущербного “серебряного” (Фраже) века, стали процветать высокомерие и надменность (Ахматова, Набоков и другие, абсолютно чуждые великой русской литературе Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева, Гончарова). Здесь налицо безысходный трагизм существования личности, своего рода обида на Бога за какую-то свою недостаточность, недоделанность, недоношенность» (Из книги «Георгий Свиридов, музыка как судьба». М.: Молодая гвардия, 2017. 795с.: ил.).

Я не совсем согласен с Володей в оценке прозы Валентина Распутина. В беседе с Ириной Ушаковой он сказал: «До чего велика русская проза — читаешь о трагедии и чувствуешь, что становишься чище душой. У Распутина повесть “Последний срок” заканчивается словами: “Ночью старуха умерла”, и понимаешь, что дети не приедут хоронить, только один сын с ней остался. Но ощущение просветляющее».

Да, действительно: проза Валентина Распутина дает нам нравственные ориентиры, показывает, какими мы должны или не должны быть. Этим она делает читателя чище, поднимает, растит. Но чувства просветления после прочтения произведений Распутина у меня не возникает. Во время чтения Распутина так вживаешься в жизнь его героев, он так реалистично и талантливо пишет, что возникает невыносимая жалость к этим людям и возникает чувство безысходности, невозможности что-либо изменить. Это касается многих его повестей — «Пожар», «Дочь Ивана — мать Ивана», «В ту же землю». В одно из посещений Валентина Распутина в его московской квартире он подарил мне журнал «Наш современник» (№ 11/2003) с повестью «Дочь Ивана — мать Ивана». Я повесть прочитал до этой встречи и спросил: «Почему в Ваших произведениях женщины на первом плане, а мужчины в тени их?» Он ответил вроде того, что они менее достойны.

При чтении произведений Кручина действительно рождаются светлые чувства. Читаешь, например, повесть «Живая вода» про бывшего фронтовика, простого труженика, и его окружение — тоже невероятно знакомые персонажи и тоже с нелегкой судьбой. Но вот финал, когда главный герой Кирпиков забирается на крышу дома: «Он успел. Ах, с какой скоростью вылетело и стало расти солнце. И вот, согреваемый с двух сторон солнцем и кирпичами трубы, он понял, что наступило самое счастливое время в его жизни — старость». И мы радуемся вместе с героем. Пусть жизнь трудная, убеждает писатель, но в ней много радости и ее надо чувствовать. А повесть «Люби меня, как я тебя!» У главного героя умирает его любимая девушка, но при этом рождается и не уходит светлое чувство от того, что он, благодаря ей, стал Человеком, его постигла Любовь с большой буквы, он пришел к Богу. А светлые повести, такие как «Прости — прощай» и даже как бы грустная «Прощай, Россия, встретимся в раю», ты читаешь с чувством, что люди умеют радоваться жизни и что жить можно и нужно.

Много раз Володя повторяет: «Детство больше всей остальной жизни. Детство — главное время нашей жизни... Детство — самое счастливое время жизни». И как он здорово о нем пишет! У него десятки прекрасных книг для детей. Но я считаю, что счастью «все возрасты покорны».

Мне, как и моему брату, нравились вечерние и утренние службы в Троицкой

церкви в Кильмези, когда прихожане, в том числе и мы с Володей, по очереди читали утреннее или вечернее правило (молитвы). Правда, до сих пор при чтении молитв я иногда делаю неправильные ударения. Он сильно страдает. После вечерней службы шли крестным ходом вокруг храма и согласно пели: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!» У меня в этот момент было такое чувство, будто я сейчас иду как защитник всех моих родных и близких. Из интервью Володи в журнале «Встреча» (№ 5/1996): «Кто хоть раз пусть в самых малых крестных ходах пришел и обошел вокруг храма, тот знает, какое радостное чувство рождается в душе — чистоты, высоты, осмысленности бытия... Дух Православия — милосердие, терпимость и всепрощение».

Не могу согласиться с ним, что молитву нужно читать, даже не понимая многих слов, так как от этого теряется ее смысл. А Володя говорит: «Все равно читай. Бесы понимают и трепещут». Из интервью в журнале «Встреча» (№ 5/1996): «Значение всякой молитвы, всякого служения во славу Божию огромно. Оно всепроникающее. Оно изменяет и души людские, и судьбы мира».

Мне очень хочется, чтобы Володя, несмотря на свой отказ, написал книгу о В.Г. Распутине. В письме к редактору журнала «Наш современник» С.Ю. Куняеву, в котором В. Крупин просит опубликовать свою статью о Солженицыне, он пишет: «Тем более, здесь случай отделить имя Солженицына от имени Валентина Распутина. Это важно. В Российской государственной библиотеке была выставка к 80-летию Распутина. Кто ее готовил? Получилось, что бедный Распутин дышал в затылок знаменитому Солженицыну. А уже и в Иркутске, в музее Распутина, он представлен последователем Солженицына. Зная многие годы Распутина, смело говорю: “Это не так. Солженицын ничего не обустроил и людей поссорил. И сколько подобных измышлений на Распутина. Тут уж надо защищать и Распутина, и его прозу”». А какое умение у брата, даже не умение, а способность схватить главные черты и заслуги человека и коротко, но емко написать об этом. Читаешь его статью «На смерть Свиридова» и понимаешь, что Свиридов — огромная личность, человек обширных знаний, болеющий за все русское, облагородивший своей музыкой человечество. Кстати, В. Крупин и Г. Свиридов дружили семьями, и великий Георгий Васильевич первый позвонил брату и пригласил к себе на Большую Грузинскую.

Серафим Саровский сказал: «Тень греха — грех». Из заметки брата «Главное причастие»: «Конечно, я буду плакать перед смертью: я так много свершил плохого, так многих обидел, столько принес родным и близким огорчений, что буду просить всех о прощении. А главное — Господа. Это Его я обижал, Его распинал своими грехами. Но то, что человек приходит ко Христу, — это главное дело в жизни. Отсюда и смысл ее — спасение души. Только бы при последнем дне причаститься Святых Таин Христовых, только бы успеть сказать: “Помяни мя, Господи, во царствии Твоем”». Понятно, что понятие греха у каждого свое. Но всему есть предел. Брат Володя чуть что вспоминает чаще не свои грехи, а тени от грехов за 80 лет, и идет каяться. Сошлюсь на Теодора Драйзера, который в эпилоге романа «Гений» написал: «В религии они ищут спасения от самих себя, от своих сомнений и отчаяния».

Выходят новые работы брата — как булькнут, и никаких кругов от критиков. Хотя положительных отзывов и писем читателей приходит много. В романе-завещании «Спасение погибших» (1988) трагически и в то же время с юмором показаны нравы творческой интеллигенции и атмосфера в современной писательской среде. Но часто этот роман даже не указывают в списке трудов В.Н. Крупина. Больше повезло повести «Живая вода». По этой повести был снят художественный фильм «Сам я вятский уроженец» (1992). В главных ролях снимались видные актеры. Михаил Ульянов сказал Володе, что это его самая реальная роль, кото-

рую он исполнял с удовольствием. Однако в прессе, в фильмографии Ульянова этого фильма я ни разу не встретил.

Проблемы творческой личности — успех, слава, разрушение личности подняты и в повестях «Спасение погибших» (1982), «Прощай, Россия, встретимся в раю», «Повесть для своих», «Громкая читка». Мое твердое убеждение, что только по перечисленным выше социально-психологическим произведениям можно В. Крупина назвать большим русским писателем.

ДРУЗЬЯ

Про друзей брата в юности и в армии подробно рассказано в повестях «Повестка» и «Курс молодого бойца». Особенно хорошо я знал самых близких его друзей Васю Шампарова и Саню Щинова. Они были неразлучны до поступления в институт и ухода в армию, это я знаю. В нашей семье они были как родные. Однажды я лежал на полатах, больше дома никого не было.

Заходит Вася, меня он не заметил, прошел на кухню, достал из печки горшок с супом, налил тарелку, поел и ушел. В 70-е годы Саня Щинов больше общался со мной. Он с семьей перебрался в Киров, жили на частной квартире, а к нам ездили помыться. Интересно, что и Вася, и Саня искренне считали, уже будучи взрослыми, особенно Вася, что могут писать не хуже Володи, но им некогда — работа. Лет двадцать назад Василий погиб в автокатастрофе, а Саня умер своей смертью.

Про необыкновенную дружбу Володи с Анатолием Гребневым я подробно описал в статье «На душе светло, как в детстве», опубликованной в книге «Анатолий Гребнев. Высокое имя поэта» (Киров, 2021). Скажу одно: благодаря брату я открыл для себя чудесные стихи и удивительного человека. Из вятских Володя всегда был в дружеских отношениях с Николаем Пересторониным, Виктором Бакиным, Наташей Злыгостевой, Владимиром Семибратовым, Валерием Фокиным, с художниками Николаем Поликарповым, Виктором Харловым, Верой Ушаковой, Инной Широковой, с дымковскими мастерицами Валентиной Племянниковой, Татьяной Разумовой, Галиной Барановой. И мне достались отсылки его дружбы с ними.

Да и я считаю себя его другом. Еще в 1975 году в письме из Москвы, учась в аспирантуре, написал жене Светлане: «Меня очень радует, что мы с Володей станем просто братьями, а друзьями».

Мне довелось быть в музее-квартире В.И. Белова в Вологде. Было приятно, когда экскурсовод сказала, что дымковские игрушки подарил Василию Ивановичу его друг писатель Владимир Крупин. Кстати, дымковской игрушки очень много в музее В. Распутина в Иркутске и в его квартире в Москве. Я бывал при его жизни в иркутской и московской квартирах. Игрушки резко выделялись на книжных полках. Дымка, конечно, от Володи.

В интервью Виктору Бакину Володя говорит: «И надо бы найти силы рассказать о тех, с кем был дружен, кому подражал, кому был обязан: о Распутине, Белове, Свиридове, Шукшине, Солоухине, Тендрякове, Абрамове, Астафьеве, не забыть и Чивилихина, Проскурина, Залыгина, Личутина, Бондарева, Юрия Кузнецова, Лихоносова, Потанина... — достойнейшие люди, прекрасная русская литература, граждане Отечества. Не я же за ними бегал, они сами привлекли в свой круг». О большинстве из них у него напечатано много сердечных воспоминаний. К юбилею Виктора Лихоносова с таким восторгом написал Володя о нем и его прозе, что я кинулся читать книги Лихоносова.

Особенно близко брат был дружен в течение 43 лет с В.Г. Распутиным. В 2003 году Валентин Распутин пишет: «Мы с Владимиром Крупиным дружим тридцать лет. Много где бывали — на Байкале, в древнем русском Новгороде и древ-

нем японском Киото, в разрушенном Карфагене и неприступном Ватикане, на поле Куликовом и на Шипке, у святых Сергия Радонежского и Иоанна Кронштадского, в Феррапонтовом монастыре и Оптиной Пустыне, в Пушкинских горах и шукшинских Сростках, и на его родине, и на моей».

Ольга Доброхотова, известный музыковед, в интервью газете «Завтра» (№ 1/2016) на вопрос о Георгии Свиридове ответила: «Круг его общения был ограничен. Я могу назвать двух-трех человек, которых мы видели в его доме: это был Владимир Николаевич Крупин, которого он ценил очень, это был Андрей Андреевич Золотов, конечно, Валентин Григорьевич Распутин, да и мы с Владимиром Федосеевым, моим мужем».

А как он заботился и заботится о вятских прозаиках и поэтах. Сошлюсь на патриарха кировских писателей, много лет возглавлявшего Кировскую областную писательскую организацию В.В. Ситникова. В статье «Любовь до боли сердечной», опубликованной в газете «Кировская правда» от 7.09.1991 г., посвященной 50-летию писателя Владимира Крупина, он написал: «...Владимир Крупин хорошо помнит, как трудно начинал жить сам, как делал первые шаги на литературной стезе. И ему, человеку от природы чуткому, всегда хочется облегчить судьбу молодым неоперившимся литераторам. Одному напишет предисловие к повести, творениям другого даст бодрящую оценку. Петр Злыгостев, Валерий Фокин, Анатолий Гребнев, Геннадий Бузмаков, Владимир Семибратов, десятки других, славших рукописи, находивших его в Москве и на родине, чтобы узнать мнение о своих вещах, должны быть благодарны ему...»

По моему понятию, у Володи сложилась своеобразная дружба с кильмезским батюшкой Александром. Когда сгорел родительский дом, Володя жил у него. И я, когда приезжал, останавливался у него. Батюшка помог Володе построить дома в Кильмези и Троицком. Во время Крупинских чтений в доме батюшки жили десятки людей, и всех кормила гостеприимная и добрейшая матушка Валентина. Володя относится к батюшке Александру, как ко всем священнослужителям, с благоговением, помогал ему на службах в Троицкой часовне, Кильмезской церкви и в церквях других сел. А уж когда батюшка приезжал к нам в Троицкое, что расположено недалеко от Кильмези, Володя не знал, куда его усадить, какую кружку, тарелку ему дать. Батюшка нам привозил воду и продукты. Нам в его отсутствие оставалось топить печку, готовить еду, а главное, молиться и любоваться прекрасными далями за рекой Кильмезью и самой рекой, делать снимки природы. Но при общении с батюшкой я несколько раз «отличился». Батюшка так располагает к себе, такой домашний, простой, что иногда я обращался к нему на «ты».

Владимир Крупин с Валентином Распутиным
в доме мамы —
Крупиной Варвары Семеновны.
Киров. 1997 г.

Самое простое, что я получал от Володи — это пинок под столом. Ну, а без батюшки он мне пенял: «Кто батюшка — и кто ты?» Сам он батюшку слушался беспрекословно и обращался только на «вы». Я оправдывался перед Володей, что мы даже к Богу обращаемся на «ты». И батюшка при Володе не возражал, чтобы я обращался к нему так. Но старший брат был непреклонен.

ЕГО ДОМА

Из беседы на «Русской народной линии»: «Спрашиваете, как и когда я работаю? Для написания даже “коротышки” много чего нужно: спокойствие, внимание, одиночество».

Первым его творческим пристанищем была маленькая боковушка (пристрой), которую он снимал у бабы Насти в селе Никольском под Москвой. Именно здесь был написан его чудесный рассказ «Петушина история», основанный на реальных событиях, произошедших с петухом бабы Насти. Я на себе прочувствовал крутой нрав этого петуха. Когда Володя показывал свою боковушку, он весь светился радостью. Олигарх, демонстрируя свой новый замок, не так радуется, как он тогда. Площадь помещения не больше 6–7 кв.м, маленькая печь, крохотный столик у крохотного окна и кровать. Из сидений табуретка и опять же кровать.

Ездили мы с ним смотреть дачу, которую давал ему для работы какой-то знакомый. Крепкий домик, но прямо под высоковольтной линией. От проводов шел гул, напоминающий шум падающих листьев во время сильного ветра. Я убедил Володю не ездить в этот дом. Эту поездку я запомнил из-за ежика. Увидел его и кричу Володе: «Гляди, как еж тащит наше масло!» Он успел увидеть, как ежик с пачкой масла на спине скрылся под домом.

Как ребенок он радовался приобретению каждого очередного дома для творческой работы. Меня он возил смотреть дома, чтобы оценить их с точки зрения физического состояния. По нему было видно, что он уже решил на покупку. Вот как он описывает в «Повести для своих» встречу со своим домом: «Я побежал чуть не рысью: это же дом, он принесет спокойствие, молитвы и труды. Дом среди русской земли! Я его сразу полюбил». Каждый раз я осматривал дома для “очистки своей совести” — в каком виде крыша, чердак, стены, окна, а главное — лез в подполье, и, на мое счастье, никогда не приходилось лукавить, все было в удовлетворительном состоянии. Бревна внизу и стены были сухие, никакой плесени». Обидно, что дома эти он терял, чаще дарил.

С приобретением полдома и четырех соток в селе Никольском связан такой случай. Володя вез деньги за него в сетке. Машинально оставил сумку около скамеечки на остановке и поспешил в ближайшую булочную. Хватился — сумки с собой нет! Бросился назад без надежды ее увидеть, а она стоит, как оставил.

Желание одиночества для творчества всегда побеждала общительность. Яркий пример. Батюшка Александр на своей машине из-за раскисшей дороги не смог нас подвезти к домику в селе Троицком. Около двух километров мы с Володей шли пешком. Полное одиночество. Я готовлю, поели — ужою: пиши, брат, не буду тебе мешать. И вдруг на следующее утро к дому подъезжает вездеход, из него выходят люди. Когда они нескоро уехали, Володя оправдывался, что они еще в Кильмези просились навестить его, а он не мог отказать. И так у него было почти во всех домах, которые он приобретал для творчества.

Про дома в селе Великорецком я предсказал: «Ты будешь сюда приходить раз в год». Он удивился: «Как это?» — «Да с Великорецким крестным ходом», — отвечал я. Так и вышло. В интервью Виктору Бакину он сказал: «Приобрести дом в Великорецком было легко, но жить в нем не пришлось почти нисколько. Были приезды. Но всегда такие краткие. Всегда куда-то торопился. Самый памятный

зимний приезд в 1997 г. вместе с редакцией “Нашего современника”: С. Куняев, В. Распутин, Г. Гусев, А. Гребнев, В. Фокин, Н. Пересторонин. Об этом журналист Ольга Журавлева сняла репортаж. Летом, подряд несколько лет, дом служил пристанищем для крестоходцев, а так в нем жили другие. Потом у меня был второй этаж в угловом доме около колокольни. Там тоже в дни 5–6 июня жило человек по 40–50–60. Сейчас этот дом принадлежит монастырю. И это очень хорошо!» Кстати, вспоминаю, как я несколько раз по выходным ездил с бригадой маляров этот дом ремонтировать.

Особый разговор о родительском доме в селе Кильмезь, доме нашего детства и отрочества, юности, дом, из которого Володя уходил в армию, в который приезжал из Москвы, творил, заполнил иконами, картинами, сувенирами со всего света, коллекцией дымковской игрушки. У меня сохранились фото и видео интерьера дома до пожара. Есть и фотография горящего родительского дома, фотограф неизвестен. На цветной фотографии огонь вовсю хозяйничает на втором этаже, но окна родительской квартиры еще темны, до нее еще не добралось пламя и, кажется, все еще можно исправить, спасти. Но сени в огне. Брат с болью пишет: «Все сгорело, чернота, остатки обугленных стен, обгорелый потолок, упавший на остатки пола и особый запах горя — запах горелого кирпича».

Сразу после пожара мы были с ним в Кильмези, ночевали в его домике, построенном в селе Троицком батюшкой Александром. Я сделал эскизы проекта нового дома, и на месте родительского дома под руководством батюшки Александра, дай Бог ему здоровья, построен новый дом в основном на деньги брата Володи и деньги, полученные за Патриаршую премию по литературе в 2011 году. Также очень помогли многочисленные переводы из разных мест России. Узнав о пожаре из передач радио «Радонеж», из журнала «Русский дом» и др., люди посылали деньги на имя батюшки Александра. Сейчас в доме расположен музей православной культуры и там можно жить. В этом доме в гостях у Володи побывал губернатор Кировской области И.В. Васильев. Когда мы с Володей живем в нем и приходят экскурсии, чаще школьники, я с улыбкой говорю им: «Перед вами живой экспонат брата писателя». В его доме в Троицком поселились монашки, и у них серьезное хозяйство. И хорошо — дом не беспризорный.

ТОРОПЫГА

Володя всегда очень переживает, если его кто-то ждет — Толя Гребнев, батюшка, в Герценке и т.п. Например, подъехал к нашему дому в селе Кильмезь батюшка Александр. Володя меня торопит, я пытаюсь объяснить, что батюшка приехал за нами раньше назначенного срока, что 5–10 минут подождет. Это Володю не успокаивает. Пока собираю фотоаппараты, надеваю куртку, обуваюсь, он умудряется два сбегать до батюшкиной машины, вернуться ко мне и сердито сказать, что батюшка ждет или что я уже один-единственный на свете, кто носит ботинки со шнурками. Обидно, что, торопясь, он забывал все подряд: билеты на поезд, кепку, перчатки, мобильник, но чаще очки. Приходилось вслед ему как-то с кем-то посылать вещи. У меня сохранилась официальная бумага с описью вещей, которые он оставил на станции Балезино. Я ходил получать.

В 2020 году на наших яблонях было столько яблок, сколько не было за все 30 лет, как мы содержим сад. Получилось так, что мы с Володей три недели в сентябре-октябре жили на даче. Я с трудом приучил его к тому, как нужно, не торопясь, снимать яблоки. Он срывал одно яблоко, но одновременно с ним слетало еще 5–10. Только на третий день, когда я показал, что у упавших на землю яблок темнеют бока, он стал это делать аккуратно и не спеша. Подхожу похвалить, а он опережает меня: «Миша, не волнуйся, я делаю, как ты мне сказал, — бережно обни-

маю пальцами понравившееся яблоко, люблюсь им, поворачивая вокруг ножки. Яблоко само с ветки доверчиво опускается в мою ладонь, и я осторожно кладу его в ведро». Его торопливость пригодилась, когда мы резали яблоки на сушку. Тут ему равных по скорости резки на дольки не было. Мы с ним изрезали и насушили более десяти ведер яблок.

Характерная особенность Володи: если он куда-то идет, то красный свет светофора, подземные и надземные переходы не для него. Сколько раз я выручал его от машин и милиции, а затем и полиции. Но это уже сюжеты для юмористических рассказов.

Есть у него одно отрицательное качество. Он редко умеет радоваться настоящей жизни, а торопливо забегает вперед и думает о будущих неприятностях. Как-то приехали мы с ним в Кильмезь на пять дней. Через два дня слышу: «Миша, какое горе, нам остается всего три дня». И начинает причитать, как жаль ему расставаться с родным краем. Я ему: «Володя, я радуюсь, что мы еще целых три дня проживем вместе». А сейчас думаю, если Бог даст, еще несколько лет будем видеться.

ДОСТАТОК

Если бы Володя был учителем в школе, ясно, что со временем он стал бы директором какой-нибудь московской школы, и семья его жила бы материально лучше. Но все вышло иначе. Много и плодотворно он работал на Центральном телевидении, на тогда только созданном канале «Культура». Сколько сценариев, телеспектаклей о художниках, скульпторах, писателях было написано им по ночам в ванной небольшой квартиры на окраине Москвы, где жили Володя с Надей, ее родители и бабушка.

На свою кооперативную квартиру денег не хватило, пришлось занимать у родни. Все они были возвращены ей с благодарностью. В советское время писатель был уважаем, тиражи имел немалые и гонорар хороший. Но первый (и последний) двухтомник вышел у брата только к пятидесятилетию.

За гонорарами он не гоняется. Главное, чтобы печатали. Особенно в последнее время он по электронной почте рассылает свои статьи, повести и рассказы на многие сайты — печатайте! И печатают. Несколько его книг — 2-е или 3-е издание — я купил в церковной лавке. Показываю ему: «Гляди, та же книга, но в новой обложке». Он удивлен: «Я и не знал об этом издании». В одном интервью сказал: «Русские писатели сейчас живут необычайно тяжело. Я не жалею, а просто рассказываю. Издатели иногда могут совсем не заплатить. Так, за “Босиком по небу” дали двадцать экземпляров этой книги, а за книгу “Россию спасет святость” — все пятьдесят! И все. Конечно, я их все раздарю». А еще раньше в журнале «Наш современник» (№ 10/1997) в сноске к своей повести «Мы не люди, мы вятские» пишет: «А гонорар? Да какой уж гонорар! Нынче хорошо платят только за клевету на Россию».

Я никогда не спрашивал его про гонорары или зарплаты. Но однажды мы с ним как-то лет 30–40 тому назад шутя подвели итог его литературных заработков. Учли, сколько времени он просидел над рукописью и какой получил за нее гонорар. Оказалось, за это время он бы дворником получил больше, работая по 8 часов в день. Если он идет на встречу с читателями, на те же Крупинские чтения, он часто заходит в книжный магазин, иногда заранее, и покупает свои книги для подарка. Уж совсем нелепый случай, по моему понятию, произошел на одной из встреч, где одновременно продавали его книгу (из гонорара). Мы стали уходить, а ему работница библиотеки протягивает большую сумму денег и говорит, что это за его проданные книги. Он: «Возьмите это на развитие вашей библиотеки».

После этого поехали на родину в Кильмезь. По дороге заехали в два места, где он предполагал получить деньги, но не получил, занял у меня. Живем мы с ним в Кильмези. Закупили продукты. Через какое-то время я хватился: того нет, этого нет. Володя объясняет: «Я их отдал одному мужику, ведь мы через два дня уезжаем, а они плохо живут». Мне становится стыдно за свой вопрос, но готовить нужно, и иду в магазин. Он даже осуждает меня, что много готовлю. Ему достаточно на завтрак сварить две луковицы, выпить чай с хлебом и иногда с сыром. Нет, это не во время поста. Про его постные дни я промолчу. Но готовить он умеет. В повести «Ловцы человеков» он подробно описывает, как готовит уху на костре в лесотундре: перечисляет ее многочисленные ингредиенты и как минимум десять операций по ее приготовлению. Правда, смотреть, как он готовит, скажем, картофельный суп, не для рачительных хозяев. Картошку чистит за несколько движений — в руках у него остается небольшой картофельный кубик. Все делает быстро, почти все одновременно засыпается в кастрюлю, но получается съедобное!

Его жизненное кредо изложено во многих интервью и публикациях. На сайте «Русский писатель» он задается вопросом и сам отвечает на него: «И почему ты хочешь жить хорошо, когда Родине плохо? Даром получил талант, даром и отдавай. Талант — это не награда, а обязанность...»

ИЗВЕСТНОСТЬ

Из дневника школьника Володи Крупина от 31.03.1957 года: «Последняя страница дневника. Нужно завести новый. Мой лучший друг. Когда-нибудь, спустя много времени, я возьму его в руки, и его пожелтевшие страницы напомнят мне о моей юности, не похожей на другие годы. Я буду писателем, и я буду истинно народным писателем! Это цель моей жизни! Для этого я живу! В. Крупин».

Однако за Володей я никогда не замечал, чтобы он как-то хотел выделиться среди одноклассников, друзей, в семье, а затем и на любой работе.

Во время моей учебы в аспирантуре были мы в Политехническом музее на встрече с именитыми писателями и поэтами. Я впервые видел Е. Евтушенко, А. Вознесенского, В. Распутина и других. До Распутина все выступающие выходили на трибуну, как на постамент памятника, и говорили пафосно, уверенно. Распутин вышел, начал выступать, волнуясь. Только к середине выступления он сумел справиться с собой и заговорил спокойно. Я удивился — такой писатель и волнуется.

Так и Володя. Даже сейчас, после сотен встреч, выступлений, он волнуется, говорит торопливо, не желая отнять чужое время, утомить слушателей. С годами я убедился: чем талантливее человек в любом деле (взять, скажем, Калашникова, Говорова, Гагарина), тем он проще. Это в полной мере касается и моего брата. Но он уж до предела прост. Говорю ему: «Для кильмезян ты — известный человек, писатель. А они видят тебя в помятых брюках и простой рубашке, нередко босиком. Не похож ты на знаменитость. Знаменитости приезжают в костюмах и при галстукe, сразу идут к начальству. А ты ни к районному, ни к городскому, ни к областному». Убеждаю: «Раз прославился, то соответствуй». А то, что не ходил к начальству, может, и хорошо. В одном интервью он признавался: «Известность для меня обременительна. Но известность и должности все-таки помогали иногда достичь чего-то: в борьбе с поворотом северных рек, за возрождение храма Христа Спасителя, за возвращение исторических наименований, издание русского философского словаря, за водружение памятной доски на доме на Арбате, где жил замечательный писатель Юрий Казаков, или на доме, где долгие годы жил и работал В.М. Шукшин».

Володя давно академик нескольких академий, но я об этом узнал только в

2020 году из сборника «Как на духу». В нем он пишет: «Ну, избрали меня в Академии Академии российской словесности, вскоре ввели в президиум Академии, и что?.. Я что, умнее стал или писать стал лучше?» Не знаю, почему он редко рассказывает о своем знакомстве с известными и талантливыми людьми. Листаю замечательную книгу В.И. Белова «Лад» и вижу на одной из страниц фото брата, несущего охапку дров в баню. Спрашиваю Володю: «Где сделано это фото?» Отвечает: «Это в Тимонихе у Белова». А до этого не обмолвился, что бывал несколько раз у Белова и в Тимонихе, и в его квартире в Вологде. Окольными путями я узнавал, что он близко знаком и даже дружен с Г.В. Свиридовым, Ю. Кузнецовым, А. Ведерниковым, В. Савиных, знаком с Е. Образцовой, Т. Петровой и другими. Он как будто стесняется своей известности.

Талантливый скульптор Клыков сделал бюст Володи. Об этой работе написано, есть фотография бюста в альбоме о Клыкове. Этот бюст находится в музее православной культуры в Кильмези. Бывая там, всегда стараюсь выставить его на видное место, а Володя, наоборот, убирает его.

В интервью «Российской газете» (№ 205/2021) брат ответил на вопрос Андрея Полынского: «Много рисовали, да. И скульптуры делали — Комов, Клыков. Скульптор Елена Безбородова сделала бюст. Филипп Московитин изобразил меня на крестном ходу. Виктор Харлов, который расписал алтарь храма Христа Спасителя, написал мой зимний портрет. Александр Алмазов нарисовал меня в красной рубахе...»

В этом же музее у него хранятся ордена и множество медалей, различных наградных знаков. Они лежали в ящике письменного стола. Я сделал шкаф, за стеклом которого они теперь находятся на полке. Через некоторое время гляжу — опять наград почти полный ящик стола. Пришлось сделать дополнительный шкаф. После юбилейных дней в честь 80-летия у брата снова много новых наград федерального и региональных уровней. Придется ехать делать третий шкаф.

В интернете, в поисковике, набрал: диссертации по творчеству писателя Владимира Крупина. И пошло... Более десятка. У меня есть несколько авторефератов этих диссертаций.

Во многих странах мира вышли его книги, только у меня их семь — на испанском, немецком, польском и других языках.

Мне до сих пор жалко, что из-за меня брат не побывал на важной встрече. В 1990 году я приехал в Москву, посетил нужные мне по работе организации и зашел к Володе в редакцию. Тогда он был главным редактором журнала «Москва». Он повез меня на редакторской машине на дачу в село Никольское. И расплатился со своим шофером, как с частником. На мое удивление сказал: «Миша, он vez нас не по редакторским делам». На даче, где-то после семи вечера, он с вдруг вспомнил, что на 19.00 сегодня приглашен к председателю Совета Министров СССР Николаю Рыжкову, и огорчился. Удивляться тому, что после этого он с трудом добывал бумагу для печати журнала, не стоит.

В.Н. Крупин известен в писательском мире как человек, который отказывался от премий. В свое время отказался от Толстовской премии, разделяя убеждения святого праведного Иоанна Кронштадтского о Толстом, но не мог отказаться от премии имени В. Распутина. Как высочайшую награду первым принял Патриаршую литературную премию имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которая дается «за значительный вклад в развитие русской литературы». Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на церемонии вручения премии сказал: «...и церковь, и литература призваны делать одно общее дело — свидетельствовать миру о вечном, возвышать ум и душу человека, приобщать к мудрости и опыту предшествующих поколений».

В.Г. Распутин, В.И. Белов, В.Н. Крупин, Д.А. Жуков,
В.М. Клыков в В. Новгороде. 1988 г.

ПРИЗНАНИЕ

Хочу остановиться на том, как отзывались о творчестве В.Н. Крупина известные люди. Но сначала выражу мое признание брату за его новую повесть «Громкая читка», опубликованную в апрельском номере журнала «Наш современник» в 2021 году. Я получил его, когда заканчивал свой труд про брата. Какая у меня была радость, что мой Володя не просто живой, а еще какой живой! Написать такое в 80 лет! Я мало знаю людей из описываемой литературной среды, но Владимира Тендрякова таким и представлял. Тендрякова я полюбил с 1976 года, когда прочитал несколько его повестей. Особенно на моем мировоззрении отразилась повесть «Апостольская командировка». Сейчас я думаю, что подсознательно стал размышлять о Боге именно с этого момента. Повесть «Громкая читка» написана светло, молодо. Такие детали, подробности переданы здесь, что невольно восклицаешь: «Слава Богу, такая память! Слава Богу, такой талант!» Ты словно оказываешься в той эпохе 70-х годов, видишь писателей того времени и становишься свидетелем становления писателя Владимира Крупина.

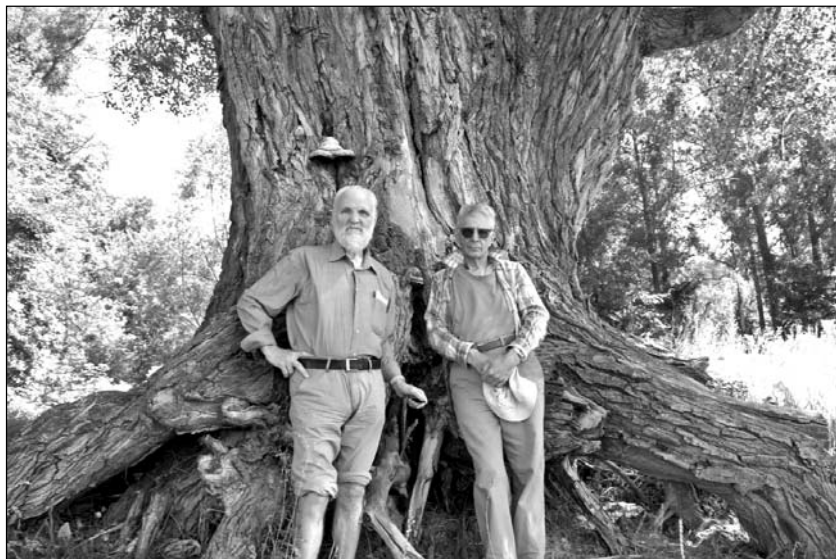
Доброе предисловие к первой книге Володи «Зерна» написал Владимир Тендряков в 1974 году, давая наказ на будущее: «Читая, я почувствовал надежду — этот автор даст нам еще многое, остается ждать новых встреч. От автора зависит, чтобы они произошли как можно быстрее». Автор не подвел В. Тендрякова, новых встреч было много.

А вот строки из предисловия С. Залыгина к двухтомнику В. Крупина 1991 года: «Литература “деревенская”, представленная такими именами, как Абрамов, Астафьев, Белов, Крупин, Распутин, сюда же можно отнести и Шукшина, завоевавших самое широкое признание не только у себя дома, но и во всем мире... Однако нельзя сказать, будто Владимир Крупин — только деревенский писатель... Тот же Крупин пишет повесть “Прости — про-

щай» — городскую, студенческую. И я уверен, тонкость наблюдений Крупина, ну, хотя бы в таких его рассказах, как “Колокольчик”, “Паперть”, “Дети кочегара”, цикл о детстве и его слово как средство выражения этих наблюдений, привлекают и еще, и еще будут привлекать внимание самого широкого читателя».

Приведу слова В.Г. Распутина из предисловия к «Библиографическому указателю произведений В.Н. Крупина», изданному в 1993 году библиотекой имени Герцена: «У Вл. Крупина есть завидное качество, его удивительная, какая-то сверхъестественная память и восприимчивость жизни, умение тотчас впитать в себя движение, слово, звук, событие. Самый рядовой случай, оставшийся бы у других незамеченным, ставится им в строку как-то так, что становится случаем незаурядным, приподымается над самим собой и словно бы охорашивается и веселеет».

Позже в предисловии к «Библиографическому указателю» уже следующего десятилетия (1992–2001) Валентин Григорьевич писал: «Среди обвинений, которые могут быть предъявлены этой эпохе, надо не забыть и такое: у Владимира Крупина за минувшее десятилетие не издано ни единой серьезной книги... Однако по работам Владимира Крупина 1990-х годов, таким как «Прощай, Россия, встретимся в раю», «Янки, гоу хоум», «Новорусская премия», «Сталинская дача», «Дунайское похмелье», «Костя отмучился», «Как только, так сразу», «Мы не люди, мы вятские», «Слава богу за все», «Великорецкий ход», «Люби меня, как я тебя» (даже в названиях чувствуется напряжение сердца и души) — по этим работам, как и многим из рассказов, когда-нибудь будут судить о температуре жизни в океанную эпоху конца столетия и о том, как эта температура из физического страдания постепенно переходила в духовное твердение. Творческий опыт Владимира Крупина и в этом смысле уникален, он был решительней большинства из нас, нет, даже самым решительным в таком переходе».

Мы с братом Владимиром у осокаря на берегу р. Вятки в районе д. Аргыж, которая упоминается в рассказе «Две доли». Июль 2011. Фотография Георгия Крупина

Анатолий Степанов, известный православный публицист, главный редактор «Русской народной линии», отмечал: «Что меня поражало в В. Крупине — это его удивительная простота, естественность и открытость... он один из самых читаемых авторов на “Русской народной линии”».

Высокую оценку творчества Крупина дал Народный артист России Николай Бурляев: «Владимир Николаевич Крупин, безусловно, — один из лучших русских писателей конца XX — начала XXI веков, самородок, который абсолютно правдоподобен и в жизни, и в творчестве, абсолютно прост и ясен».

Писатель Геннадий Карпунин в статье «Всякое деяние благо» сказал о В.Н. Крупине: «Его рассказы не только часто вспоминаются, их невозможно забыть. “Молитва матери”, например. Этот рассказ классика русской литературы и, не сомневаюсь, будет признан шедевром мировой культуры. В нем ничего не выдуманно. В 1990-х Владимир Крупин публикует публицистические работы, в которых ярко показывает ядовитую суть, корни возникновения либерализма, закабалившего Россию... Творчество русского писателя Владимира Крупина по-настоящему не прочитано, не осмысленно, не оценено».

Володины произведения входят в десятки совместных сборников, но мне дорог учебник для первого класса «Русская азбука» (Москва, «Просвещение», 2004 г. 7-е издание), где опубликованы два рассказа.

Публикации в центральных газетах и журналах (более десяти), в региональных (более чем в двадцати), на многочисленных сайтах в интернете, посвященных 80-летнему юбилею В.Н. Крупина, подтвердили значимость его творчества. Вот выдержка одной из них.

Председатель правления Союза писателей России Николай Иванов в газете «Завтра» (№ 34/2021): «...Все, кому интересен этот человек, могут открыть энциклопедии, социальные сети, литературные и православные сайты и прочесть и лично о нем, и его книгах сотни страниц. Он человек, который может сказать: “Честь имею”! Который, при кажущейся мягкости характера, обладает колоссальной твердостью внутренним стержнем. Его готовность отстаивать свою точку зрения в дискуссиях о вере, о путях развития отечественной литературы удивляют и радуют, потому что это идет от сердца, глубоких знаний и от правды жизни... Гордимся. Уважаем. Любим!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К 70-летнему юбилею В. Крупина В. Распутин написал: «Были у него не только рассказы и не только многочисленные отклики на события и даты, сделавшиеся духовной потребностью писателя. Были и большие работы. Взялся было перечислять места приложения его сил и таланта, но всех их не перечислишь». И я вслед за классиком скажу то же самое. Всего не перечислишь. Тем более что и объем рукописи уже выходит за рамки допустимого для общего сборника.

У Володи есть повесть и несколько рассказов, связанных с селом Великоорецким. Я там бывал несколько раз. Ехали мы однажды с ним из села Великоорецкого в Киров на рейсовом автобусе. Где-то сразу за околицей села, Володя обратил мое внимание на сосну у дороги. Высокая, развесистая сосна, могучий ствол. Все ветви красиво изогнуты — ни одной прямой линии, но гармония полная.

— Да, — говорю, — — красивое дерево, но на что оно может согнуться? Только на дрова.

Брат промолчал. Вдоль дороги пошел сплошной сосняк. Прямые, почти без сучков стволы. И я продолжил свою мысль:

— Вот это строевой лес. Из этих сосен можно срубить избу или церковь. Напилить доски, брусья, из них сделать рамы, полы, мебель изготовить и много

еще чего. Так и в государстве. Чтобы оно существовало, нужен строевой лес и строевые люди. Не зря же говорят: государственный строй, солдатский строй. Любая религия имеет свои каноны и уставы. Даже Крестный ход — и тот идет организованно. А если все деревья в лесу были бы, как твоя сосна, так и жили бы люди в пещерах... Но нужны такие деревья: они душу радуют. Красота, она чудеса творит. А еще нужны люди, похожие на эти деревья. Вот, как ты, например. Но ведь в основном государство нуждается в строевом лесе и строевых людях, таких, как я.

Мы долго ехали молча...

Обдумывал, вспоминал, долго писал, а все написанное можно выразить кратко. Читая брата, я восхищаюсь им, меня охватывает радость и распирает гордость — это мой брат. Брат мой.